НАУКА О ЯЗЫКЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Научная статья
УДК 81-13/930

Теория и практика лингвистической историографии в научном творчестве Конрада Кёрнера

Т. А. Валиулина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tatiana.valiulina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вклад К. Кёрнера (1939–2022) в развитие лингвистической историографии, в частности учреждение профильного научного журнала, обоснование принципов позитивистского подхода к истории лингвистики, акцентирование внимания на важности совершенствования ее методологии. В работе анализируются ключевые тезисы историографической концепции К. Кёрнера и на основании их сопоставления с его практическими историографическими исследованиями делается вывод о том, что К. Кёрнер не всегда был последователен в соблюдении собственных методических императивов.

Ключевые слова: лингвистическая историография, методология лингвистической историографии, Кёрнер, Шмиттер, позитивизм, субъективизм, история лингвистики

Для цитирования: Валиулина Т. А. Теория и практика лингвистической историографии в научном творчестве Конрада Кёрнера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 9–15.

Original article

Theory and Practice of Linguistic Historiography in the Scientific Work of Konrad Koerner

Tatiana A. Valiulina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tatiana.valiulina@gmail.com

Abstract. The article explores the contribution of K. Kerner (1939-2022) to the development of linguistic historiography, in particular the establishment of a specialized scientific journal, the substantiation of the principles of a positivist approach to the history of linguistics, and the emphasis on the importance of improving the methodology of this area. The paper examines the key tenets of K. Koerner's historiographical concept and based on their comparison with his practical historiographical research concludes that K. Koerner was not always consistent in following his own methodological imperatives.

Keywords: linguistic historiography, methodology of linguistic historiography, Koerner, Schmitter, positivism, subjectivism, history of linguistics

For citation: Valiulina, T. A (2024). Theory and practice of linguistic historiography in the scientific work of Konrad Koerner. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обсуждения теории и практики лингвистической историографии обусловлена как важностью исторического осмысления достижений науки, так и выявлением актуальных тенденций, приоритетных направлений и методов. Хотя историографы не всегда получают такое всемирное признание, как те ученые, чье академическое творчество они анализируют, это нисколько не умаляет их значимости для развития и популяризации науки.

6 января 2022 года умер Эрнст Фридерик Конрад Кёрнер (Ernst Frideryk Konrad Koerner (1939-2022)), «неутомимый исследователь» и один из «пионеров лингвистической историографии»[1] [In Memoriam: E.F.K. Koerner (Feb. 5, 1939 – Jan. 6, 2022)]. Трудно переоценить его вклад в развитие лингвистической историографии в Европе и Америке. Научная карьера К. Кёрнера была долгой и плодотворной. Преподавать в Оттавском университете К. Кёрнер начал в 1976 году и завершил работу в 2001 году в статусе эмерит-профессора, после чего вернулся в Берлин. Он работал в университетах Техаса, Индианы, Регенсбурга, был приглашенным профессором Британской академии наук, имел статус почетного доктора университетов Эдинбурга, Софии, Торуни, а также Санкт-Петербургского университета. К. Кёрнер был членом оргкомитета XII международного конгресса по истории языкознания, прошедшего в Санкт-Петербурге в 2011 году.

Со своей главной сферой научных интересов К. Кёрнер определился на этапе работы над докторской диссертацией в Канаде, в Университете Саймона Фрейзера, об истоках лингвистической концепции Ф. де Соссюра и ее эволюции в западном языкознании, которую он представил в 1971 году под руководством Дж. Л. Бурсилл-Холла (G. L. Bursill-Hall (1920–1998)). В 1973 году К. Кернер основал «Historiographia Linguistica», первый журнал, посвященный истории лингвистики, и до конца жизни оставался его консультирующим редактором.

Важной частью наследия К. Кёрнера является его теоретическая концепция лингвистической историографии, которую он обсуждает в ряде монографий и статей.

ПОЗИТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К. КЁРНЕРА К ИСТОРИОГРАФИИ

Канадский лингвист, эмерит-профессор университета Калгари, Д. Уокер (Douglas Walker) описал К. Кёрнера как ученого «плодовитого, педантичного и склонного вступать в полемику» [Walker, 1996, с. 404]. Рассмотрение научного наследия К. Кёрнера заставляет согласиться с данной характеристикой.

В своих методологических работах К. Кёрнер проводит мысль о том, что история в силу зачастую интерпретирующего характера неточна и предвзята. Разоблачение исторических мифов и проблематизация укоренившихся трактовок стали лейтмотивом практических исследований К. Кёрнера. Как позитивист «в широком смысле слова» [Koerner, 2005, с. 154] К. Кернер принял в качестве лозунга методический постулат Л. Ранке: «История не должна судить прошлое, поучать настоящее на благо грядущих веков. Её цель состоит только в том, чтобы показать то, что происходило на самом деле» [Ranke, 1824, с. v–vi].

В данной связи представляется логичным, что в свою типологию историографических нарративов [Koerner, 1999, 2005, с. 292–295]. К. Кёрнер заложил критерий объективности. К пристрастным видам историописания он относил, во-первых, *резюмирующие нарративы*, авторы которых сами принадлежат к описываемым направлениям и стремятся подчеркнуть, что «основные научные цели были достигнуты» [Koerner, 1999, с. 217]; во-вторых, *пропагандистский подход*, или "вигскую интерпретацию истории» [там же, с. 219], цель которого «начать кампанию против ранее популярных взглядов и по сей день превалирующих доктрин» [Koerner, 1974, с. 2]. К. Кёрнер уточняет, что к этому подходу склонны прибегать молодые ученые («an individual usually in his thirties» [Koerner, 1999, с. 217] в попытках доказать, что их предшественники зашли в тупик. Неудивительно, что к представителям пропагандистского стиля он относит Н. Хомского и Ф. Ньюмейера. И хотя, по признанию К. Кёрнера, в первых двух типах историй можно найти достаточно полезной информации, такие нарративы быстро устаревают, как только «их специальная миссия выполнена» [там же, с. 217], и в целом их не стоит считать историей в полном смысле слова [там же, с. 222].

Следующие два типа, выделенные К. Кёрнером, более совершенны с точки зрения непредвзятости автора. *История идей* (Problemgeschichte) не отстаивает правильность отдельных парадигм и не приводит «аргументы в пользу научных революций внутри дисциплины» [там же, с. 220], а просто описывает развитие научной мысли. В качестве примера такого подхода К. Кёрнер приводит труд Г. Аренса (Sprachwissenschaft (1969)). Но несмотря на уважительное отношение к этому типу, он все же продвигает необходимость развития собственно *историографии лингвистики* – «описания лингвистического прошлого, являющегося неотъемлемой частью самой дисциплины» [Там же, с. 222] и «базирующего

[1]Здесь и далее перевод наш. – *Т. В.*

на строго определенных принципах» [Koerner, 2005, с. 295], «обоснованных и тщательно соблюдаемых методах» [Koerner, 1999, с. 217]. К. Кёрнер выражает сомнения в возможности создания универсальной методологии лингвоисториографии, поэтому ограничивается выдвижением принципов, которые бы задали некоторые методологические рамки и сделали «исторические интерпретации понятными» [Koerner, 1995, с. 23] и убедительными даже для тех, кто стоит на других теоретико-методологических позициях.

Анализируя проблему метаязыка в лингвоисториографической практике, К. Кёрнер выдвигает ряд принципов, которые могут быть трактованы шире и применимы не только к проблеме терминологии, но и к другим сторонам составления историографических нарративов:

1. Первоочередным принципом, или «первым шагом в лингвистической историографии» К. Кёрнер считает контекстуализацию, т.е. учет «духа времени» (Zeitgeist) [Koerner, 1995, с. 17].

2. Второй принцип – имманентности – особо примечателен: в нём присутствует доля противоречия. К Кёрнер с долей скепсиса отзывается о нарративном подходе Х. Уайта. Он утверждает, что последний занят «не собственным историописанием, а анализом и критикой исторических дискурсов» [Там же, с 10]. И однако, объясняя суть принципа имманентности, К. Кёрнер настаивает на получении полного – «исторического, критического, и, возможно даже филологического» – понимания изучаемого текста, которое достигается путем погружения в контекст и абстрагирования от современных лингвистических доктрин и собственных установок [Там же, с. 18].

3. Принцип соответствия – проведение аналогии между изучаемыми историческими объектами и современными концепциями. Он, в свою очередь, реализуется при условии соблюдения двух предыдущих принципов.

К. Кёрнер обосновывает важность лингвистической историографии, но не предлагает конкретных приемов работы с историческим материалом. Однако модели развития научного знания подробно им описываются и последовательно применяются в его практических исследованиях. К. Кёрнер выделяет целый ряд способов моделирования научного прогресса.

1. Понимание развития науки как простого преумножения знания («Progress-by-Accumulation») он считает «немного наивным и слишком оптимистичным» [Koerner, 1989, с. 51].

2. Модель «магистральное направление и периферийные течения» («Mainstream – vs – Undercurrent») отражает существование центральных тенденций и второстепенных тенденций в языкознании. Доминирование отдельных парадигм определяется как интралингвистическими факторами, так и идеологическими, политическими и социальными причинами.

3. Маятниковая модель («Pendulum-Swing Model») делает акцент на «чередовании противоположных походов» [Koerner, 1989, с. 52]. Ее ограничение заключается в том, что она фиксирует смену приоритетных направлений, но не объясняет причины изменений.

4. Линейная модель «прерывание традиции – преемственность» («Discontinuity – vs – Continuity») показывает, как некогда популярные тенденции могут «угасать» или «снискать дурную репутацию» [Koerner, 1989, с. 53], а через некоторое вернуться на авансцену в новой интерпретации на новом этапе развития науки.

5. Модель «относительного прогресса» («Relative Progress Model») отражает те же процессы, что и маятниковая модель, но графически представляет научный прогресс в виде спирали, и особый акцент делается на том, что на каждом новом витке повторение старых тем происходит на качественно новом уровне.

К. Кёрнер указывает на то, что все вышеописанные модели сосредоточены на интралингвистических процессах, но «дисциплины существуют не в вакууме, а зависят от общества, придерживающегося определенных идей, а иногда и идеологий», поэтому важно учитывать экстралингвистические факторы [Там же, с. 55].

6. Модель «экстралингвистического влияния» (Extra-Linguistic Influence Model) является «дополненным вариантом маятниковой модели» [Там же, с. 55]. В нее вписаны превалирующие парадигмы других наук и общий климат научных мнений – всё перечисленное предстает в качестве совокупности факторов развития лингвистики. Недостатком этого способа моделирования прогресса К. Кёрнер называет отсутствие внимания к социальным и политическим процессам.

Что касается мнения К. Кёрнера о валидности приведенных выше моделей, он справедливо отмечает, что не существует универсальных моделей, учитывающих «все события и тенденции изучаемого периода», «любая модель является слишком негибкой» [Там же, с. 53], чтобы применять ее во всех случаях. Однако полностью несостоятельной ему представляется только кумулятивная модель.

Заметим, что хотя историограф красноречиво выступал за совершенствование методологии и настаивал на том, что историография лингвистики должна ставить во главу угла теорию (theory-oriented), а не фактический материал (data-oriented) [Koerner, 1995, с. 4–5], сам он не предложил

никакой идеальной программы исследования или алгоритма создания исторических нарративов в отличие от немецкого лингвиста П. Шмиттера, его оппонента по вопросу допустимости субъективности в историописании. П. Шмиттер, крупнейший представитель нарративного направления в лингвистической историографии, понимал историю как «реконструирующее повествование» (rekonstruierende Erzählung) [Schmitter, 1982, с. 56]. По П. Шмиттеру, настоящую историю от хроники отличает присутствие в тексте двух типов связей: нарративных (объясняющих переход из состояния X в состояние Y на основе внешних причин) и аналогово-нарративных (объясняющих внутреннюю динамику научных теорий) [Schmitter, 2003, с. 99].

П. Шмиттер признает возможность субъективности в исторической реконструкции, которая не отменяет валидности результатов при должной степени аргументированности выводов и прозрачности процедуры. К. Кёрнер же убежден в том, что «некоторые интерпретации истории правдивее других» [Koerner, 1995, с. 21]. П. Шмиттер подобную позицию своего оппонента называет не позитивизмом, а «наивным реализмом, в котором исторический объект видится как непосредственная данность, не требующая объяснения» [Schmitter, 2003, с. 52]. То, какие факты историограф использует для выстраивания их в цепочку событий, зависит от задач исследования, логики повествования, личных установок автора. Таким образом, каким бы глубоким и обоснованным ни был исторический нарратив, он не может включить в себя все многообразие фактов рассматриваемого периода – отсюда неизбежная субъективность.

К. Кёрнер считает, что работы П. Шмиттера представляют собой «добротные традиционные историографические исследования» [Koerner, 1995, с. 21–22] потому, что тот нестрого придерживается своих философско-методологических установок. Интересно, что при подробном изучении исторических нарративов К. Кёрнера напрашивается вывод о том, что его методология как раз в полной мере соответствует процедуре, описанной П. Шмиттером. То есть их идеологические разногласия не отражались непосредственно на историографической работе.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА К. КЁРНЕРА

Рассматривая американский структурализм 1930–1950-х годов, К. Кёрнер устанавливает нарративную связь между событиями, способствующими смещению исследовательских приоритетов в сторону структурализма. Ко внешним факторам он относит прикладную значимость данного направления, с чем была связана серьезная государственная институциональная и финансовая поддержка. К. Кёрнер также выявляет аналогово-нарративный аспект, описывая внутреннюю логику развития науки: когда Ф. Боас и несколько поколений его учеников заинтересовались анализом бесписьменных языков коренных народов Америки, именно структурализм оказался наилучшим путем решения данной задачи [Koerner, 2005].

Интересно, как в рассмотрении К. Кёрнером научного творчества Л. Блумфилда сочетаются использование модели «экстралингвистического влияния» и принципы реконструирующего описания по П. Шмиттеру. Исключительно важен тот факт, что для интерпретации научных взглядов Л. Блумфилда К. Кёрнер привлекает биографическую информацию, раскрывающую внешние факторы его становления: Л. Блумфилд получил образование в Германии и был хорошо знаком с младограмматическим направлением (большая часть книги «Language» посвящена сравнительному языкознанию) и современной ему психологией (по признанию Л. Блумфилда, работа «Введение в изучение языка» основана на психологии В. Вундта). Достоинством обзора К. Кёрнера является указание на эволюцию взглядов Л. Блумфилда и переход, вдохновленный А. П. Вайсом (Albert Paul Weiss (1879–1931)), на позиции бихевиоризма в трактовке термина «значение». С позиции метаисториографического анализа, стоит отметить, что К. Кёрнер уделяет такое внимание вопросу значения, ставшему камнем преткновения для американского структурализма, поскольку это помогает ему моделировать развитие американского языкознания, выявить аналого-нарративные связи. К. Кёрнер пишет, что внимание к вопросам значения в конце 1950-х годов. пропало (problems concerning the statement of meaning in linguistic description appeared to have vanished) [Koerner, 2005, с. 94]. Смещение фокуса внимания с морфологии и фонологии на синтаксис К. Кёрнер объясняет путем выявления накопившихся противоречий и подробной демонстрации объема разногласий по поводу ментализма.Развивая тему разногласий по поводу проблемы значения в лингвистике, К. Кёрнер ставит вопрос взлета и падения генеративной семантики. Для решения этого вопроса он применяет модель «магистральное направление и периферийные течения». По мнению К. Кёрнера, оппоненты Н. Хомского потерпели поражение по причине неспособности их теории решить поставленные проблемы. Здесь К. Кёрнер уходит с позиции стороннего наблюдателя и высказывает своё мнение об ограничениях генеративной семантики

(ГС): «Действительно, что касается значения, ГС предложила больше декларативных заявлений, чем конкретных решений» [Koerner, 2005, с. 126]. Важным фактором в поражении генеративной семантики К. Кёрнер также видит институциональную и финансовую мощь генеративной грамматики Н. Хомского, с которой не могла конкурировать ГС. Упадок ГС К. Кёрнер объясняет внутренними причинами (невозможность с помощью данной теории ответить на поставленные вопросы), а также внешними – социальными, институциональными факторами [Koerner, 2005, с. 193–194] и карьерными соображениями сторонников ГС. Таким образом, К. Кёрнер в своей историографической работе критическими высказываниями о Н. Хомском нарушает упоминавшийся выше принцип Л. Ранке, согласно которому «история не должна судить прошлое» [Ranke, 1824, с. v–vi], К. Кёрнер пропагандирует данный принцип в теоретических статьях, высказываясь против «предвзятых интерпретаций … последних лет» [Koerner, 2005, с. 154].

Примеры резких и эмоциональных высказываний К. Кёрнера в адрес Н. Хомского многочисленны. Из обзора К. Кёрнера выстраивается нелестный портрет личности Н. Хомского. В частности, К. Кёрнер критически оценивает «методы борьбы [Н. Хомского] с его противниками, его отношение к чужой интеллектуальной собственности и его прочие человеческие недостатки» [Koerner, 2005, с. 114]; «его риторические стратегии, привычку иносказания и неверных интерпретаций чужих взглядов» [там же, с. 120]; а также на то, как Н. Хомский «занимался переписыванием своего прошлого» [там же, с. 180], «создавал эрзац-историю» [там же, с. 213].

Среди методологических вопросов, интересовавших К. Кёрнера, особое место отводилось определению истоков лингвистических концепций и доказательству влияния ученых на своих последователей. Задача историка состоит в том, чтобы распознать *косвенное влияние* ученых друг на друга, которое определяется общей академической средой и интеллектуальным климатом, а также указать на *прямое влияние*, т. е. заимствование и развитие идей предшественников и современников. Оно подтверждается эксплицитно цитатами, ссылками и прочими публичными признаниями авторов своих источников научного вдохновения. Но и констатация непосредственного влияния требует от историка подробного анализа текстов и внешних факторов, поскольку, по наблюдению К. Кёрнера, некоторые ученые отстаивают свое новаторство и не признают, что их концепции базируются на чьих-то достижениях.

К. Кёрнера как специалиста по научному творчеству Ф. де Соссюра и активного критика личности и лингвистической теории Н. Хомского очевидным образом интересовало отражении идей Ф. де Соссюра в концепции Н. Хомского. Этому вопросу он посвятил статью «Прочтение Н. Хомским Соссюра после 1961 года», вышедшую сначала в сборнике «Professing Linguistic Historiography» [Koerner, 1995], а затем практически в той же редакции – в книге «Toward a History of American Linguistics» [Koerner, 2005]. Внимание К. Кёрнера к данной теме, вероятно, вызвано желанием показать взаимосвязь европейской и американской лингвистики в рамках его принципов моделирования исторических тенденций. К. Кёрнер делит творчество Н. Хомского за период 1951–1984 годов на четыре этапа в зависимости от источников, на которые он ссылается [Koerner, 1995, с. 102; Koerner, 2005, с. 137]. Пафос главы заключается не в доказательстве или опровержении того, что Н. Хомский вдохновлялся идеями Ф. Соссюра, В. Гумбольдта, О. Есперсена, а в подчеркивании и в подтверждении того, что Хомский не понял Ф. Соссюра и ссылался на него для легитимации собственных идей через «авторитет Соссюра». Так, по утверждению Кёрнера, Хомский обращался к работам своего предшественника, «не анализируя теорию Соссюра в целом, а вырывая… отдельные высказывания, удовлетворяющие его задачам [Koerner, 2005, с. 146]. В частности, К. Кёрнер пишет: «Хомский не только неправильно истолковал Соссюра и проигнорировал большинство характерных черт языка в концепции языка Соссюра, но… и не проявлял глубокой заинтересованности в лингвистической теории Соссюра… Однако желание Хомского найти точки соприкосновения с Соссюром интересны в данном контексте» [Koerner, 2005, с. 139].

Поскольку важное место в методологии К. Кёрнера занимает описание моделей развития науки, совершенно логично то обстоятельство, что К. Кёрнер не обошел вниманием вопрос о том, совершил ли Н. Хомский научную революцию. Этому он посвятил статью «Хомскианская революция и её историография» [Koerner, 1983], а её расширенную и дополненную версию он включил в книгу об американской лингвистике [Koerner, 2005]. Работа К. Кёрнера посвящена доказательству того, что теория Хомского была результатом «эволюции проводившейся в то время работы» [там же, с. 179], а не совершила революцию в языкознании, не привела к смене парадигмы, т. е. «рамки проведения исследования» не были «заменены предыдущими или конкурирующими рамками» [там же, с. 162]. Представляется, что наряду с анализом парадигм, еще одной задачей К. Кёрнера могло быть определение экстралингвистических факторов популярности концепции Н. Хомского и указание на его

стремление к безоговорочному лидерству: «Хомский и его сторонники … хотели только победить в сражении так, чтобы реванш был невозможен» [Koerner, 2005, с. 192].

К. Кёрнер отмечает неэтичные попытки Н. Хомского и Ф. Ньюмейера установить приоритет идей Хомского над работой З. Харриса и подчеркнуть «новизну его [Хомского] подхода» [Koerner, 2005, с. 180]. Один из доводов, приводимый К. Кёрнером в пользу преемственности, а не революции в лингвистике – работа Ч. Ф. Хоккета «Две модели грамматического описания» (написана в 1949–1951 годы, опубликована в 1954 году), где он «поднимает проблемы, с которыми Хомский в дальнейшем справился более успешно» [Koerner, 2005, с. 181]. Ф. Ньюмейер парирует данное утверждение следующим образом: «Кёрнер, очевидно не знаком с работами Хомского», указывая на то, что бакалаврская и магистерская работы Н. Хомского, «предлагающие генеративный анализ иврита, опережают работы Харриса и Хоккета на несколько лет» [Newmeyer, 1986, с. 5].

Интересно находить предполагаемые проявления предвзятости в трудах историографа, пропагандирующего объективность и нейтральность и критикующего коллег за субъективность. Во вступлении к книге «Toward a History of American Linguistics» К. Кёрнер подчеркивает необходимость того, чтобы историк «не был причастен к рассматриваемым им событиям и не имел личной заинтересованности в результате исследования» [Koerner, 2005, с. 154]. И в этой же работе мы находим пример обратной ситуации. Так, сложно не заметить негативное отношение К. Кёрнера и к Н. Хомскому, и к его историографу Ф. Ньюмейеру. Но как сообщает К. Кёрнер в своих воспоминаниях, проблема не только в научных разногласиях, но и в личной обиде: будучи редактором журнала «Language», Ф. Ньюмейер отклонил статью К. Кёрнера с замечаниями в свой адрес «по вопросу интерпретации истории американской лингвистики» [Koerner, 2005, с. 196], но воспользовался служебным положением, чтобы прокомментировать критические соображения К. Кернера в том же номере. К. Кёрнер рассказывает об этом в сносках, мелким шрифтом, но данный сюжет во многом проясняет такой объем негативного внимания к данным личностям и лишает историографа статуса беспристрастного наблюдателя.

Абстрагируясь от явного отсутствия симпатии К. Кёрнера к Н. Хомскому и расставленных им в связи с этим акцентов, необходимо подчеркнуть, что труды К. Кёрнера являются образцом тщательной историографической работы с источниками: проведен подробный анализ интра- и экстралингвистических факторов, способствующих становлению и популяризации порождающей грамматики, и рассмотрен обширный список работ предшественников, современников и последователей Н. Хомского. Однако оценочные суждения К. Кёрнера вызывают сомнения в том, может ли он описывать события «так, как они на самом деле происходили» [Ranke, 1824, с. v–vi] и не стать участником «контрреволюции» против Н. Хомского. Во вступлении к статье о хомскианской революции К. Кёрнер пишет, что «не будет навязывать интерпретации и предоставит читателю сделать выводы» [Koerner, 2005, с. 152], но его эмоциональное отношение к вопросу приводит к созданию достаточно предвзятого нарратива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что К. Кёрнер критикует концепцию П. Шмиттера, в работе К. Кёрнера встречаются большинство элементов нарративного метода. В соответствии со своими методическими тезисами К. Кёрнер последовательно применяет модели описания лингвистических тенденций, прослеживая преемственность концепций и устанавливая влияние одних ученых на других. Примеры из его трудов показывают, что императив К. Кёрнера, согласно которому история должна быть точным отражением описываемых событий, оказался невыполнимым. Стремление к построению объективной истории науки может быть полезным и даже необходимым ориентиром для историографа, однако позиция П. Шмиттера, основанная на принятии субъективности интерпретаций при полноте данных, эксплицитности методологии и обоснованности выводов, кажется более реалистичной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. In memoriam: E. F. K. Koerner (Feb. 5, 1939 – Jan. 6, 2022) // North American Association for the History of the Language Sciences. 2022, January 15. URL: https://naahols.wordpress.com/in-memoriam-e-f-k-koerner-feb-5-1939-jan-6-2022/.
2. Walker D. C. Konrad Koerner. Professing Linguistic Historiography. In the Series Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science 79. Amsterdam: John Benjamins, 1995 // Canadian Journal of Linguistics. 1996. Vol. 41. №4. P. 404–407. doi:10.1017/S0008413100016728
3. Koerner E. F. K. Toward a History of American Linguistics. London, New York: Routledge, 2005.
4. Ranke L. Geschichten der Romanischen und Germanischen Völker von 1494 bis 1535. Band 1. Leipzig & Berlin: Georg Reimer, 1824.
5. Koerner E. F. K. What is the History of Linguistics Good for? // Beiträge zur Geschichte de Sprachwissenschaft. 1999. Vol. 9. № 2. P. 209–230.

6. Koerner E. F. K. Purpose and Scope of Historiographia Linguistica. Editorial // Historiographia Linguistica. 1974. Vol. 1. № 1. P. 1–10.
7. Koerner E. F. K. Professing Linguistic Historiography. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1995.
8. Koerner E. F. K. Practicing linguistic historiography: selected essays. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1989.
9. Schmitter C. Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik Struktur–Methodik–theoret. Fundierung. Tubingen: Narr, 1982.
10. Schmitter C. Historographie und Narration. Metahistoriographische Aspeskte der Wissenschaftsgeschichtsschrei bung der Lingustik. Seoul: Sowadalmedia / Tübingen: Narr, 2003.
11. Koerner E. F. K. The Chomskyan 'revolution' and its historiography: a few critical remarks // Language & Communication. 1983. Vol. 3 (2). P. 147–169. https://doi.org/10.1016/0271-5309(83)90012-5.
12. Newmeyer F. J. Has There Been a "Chomskyan Revolution" in Linguistics? // Language. 1986. Vol. 62. № 1. P. 1–18. doi:10.2307/415597.

REFERENCES

1. In memoriam: E. F. K. Koerner (Feb. 5, 1939 – Jan. 6, 2022). (2022, January 15). North American Association for the History of the Language Sciences. https://naahols.wordpress.com/in-memoriam-e-f-k-koerner-feb-5-1939-jan-6-2022/.
2. Walker, D. (1996). Konrad Koerner. Professing Linguistic Historiography. In the series Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science 79. Amsterdam: John Benjamins, 1995. Canadian Journal of Linguistics, 41(4), 404–407. doi:10.1017/S0008413100016728.
3. Koerner, E.F.K. (2005). Toward a History of American Linguistics. London, New York: Routledge.
4. Ranke, L. (1824). Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1535 (Band 1). Leipzig & Berlin: Georg Reimer.
5. Koerner, E. F. K. (1999). What is the History of Linguistics Good for? Beiträge zur Geschichte de Sprachwissenschaft, 9(2), 209–230.
6. Koerner, E. F. K. (1974). Purpose and scope of Historiographia Linguistica. Historiographia Linguistica, 1(1), 1–10. https://doi.org/10.1075/hl.1.1.01edi.
7. Koerner, E. (1995). Professing Linguistic Historiography. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
8. Koerner, E. (1989). Practicing linguistic historiography. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing.
9. Schmitter, C. (1982). Untersuchungen zur Historiographie der Linguistik: Struktur, Methodik, theoretische Fundierung. Tubingen: Narr.
10. Schmitter, C. (2003): Historiographie und Narration. Metahistoriographische Aspekte der Wissenschaftsgeschichts-schreibung der Linguistik. Seoul: Sowadalmedia / Tübingen: Narr.
11. Koerner, K. (1983). The Chomskyan 'revolution' and its historiography: A few critical remarks. Language & Communication, 3(2), 147–169. https://doi.org/10.1016/0271-5309(83)90012-5.
12. Newmeyer, F. J. (1986). Has there been a "Chomskyan revolution" in linguistics? Language, 62(1), 1–18. https://doi.org/10.2307/415597.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валиулина Татьяна Андреевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valiulina Tatiana Andreevna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Media Technologies
The Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.05.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.06.2024	approved after reviewing
принята к публикации	24.06.2024	accepted for publication